УДК 321.011

ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Скиперских Александр Владимирович,
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
доктор политических наук,
Пермь, Россия.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Аннотация
В статье речь идёт о том, как в различных культурных контекстах выражено право человека на сопротивление, и как данное право фиксировалось политико-философской мыслью. История политических отношений показывает, что сопротивление может объективироваться во многих формах. В частности, одной из таких форм является бунт. Анализ политико-философских взглядов ряда авторов, а также обращение к политической мемуаристике позволяют нам увидеть особое отношение к праву на бунт, существующему в различных культурных и правовых традициях. Различия культур сказываются на восприятии бунтующего человека, равно как и на справедливости его претензий на удовлетворение своих экспектаций. Право человека на сопротивление в ряде культур является непреходящей ценностью, что прямо отражается на политической практике. В других политических и правовых системах право на сопротивление не является вечной ценностью, что не замедляет сказываться на траекториях развития политических процессов.

Ключевые понятия:
бунт,
власть,
закон,
политический процесс,
сопротивление.

Политическая власть не может существовать без сопротивления, представляющегося диалектическим противником власти. Когда в политическом дискурсе говорят о власти и оппозиции, о правящих и оппозиционных элитах, как правило, и происходит констатация присутствия сопротивления в его различных объективациях.

Право на сопротивление уже давно стало предметом интереса в политических и философских штудиях. Конечно, наибольший интерес данная проблема занимает исследователей в тех политических традициях, где происходит постоянное совершенствование трудного диалога между властью и оппозицией. В частности, в европейской правовой традиции попытки концептуализации права на сопротивление можно увидеть у целого ряда авторов, в исключительных случаях, оставлявших за обществом возможность требовать с власти подотчётности и чёткого следования законам. Во многом это было связано с прогрессивной в период позднего Средневековья теорией общественного договора, согласно которому правитель мог брать на себя гарантии по поддержанию общественного благополучия и порядка.

Рассмотрев теоретические построения некоторых авторов, можно заметить, что понимание необходимости права на бунт и восстание против своего господина нарастало в историческом процессе. И если в трудах древнегреческих философов практически нет сентенций, допускающих возможность восстания против власти в каких-либо формах, то позже такая возможность чаще концептуализируется представителями политико-философской мысли.

Например, Аристотель (384–322 до н.э.) не рассматривает даже вероятности подобного бунта, хотя в «Политике» проводится мысль о сопротивлении, которое может быть оправданно.

«Выражения "рабство" и "раб" употребляются в двояком смысле: бывает раб и рабство и по закону; закон является своего рода соглашением, в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им. Это право многие причисляют к противозаконiям из тех, что иногда вносят ораторы: было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе» [1, с. 384].

Аристотель описывает ситуацию, периодически возникающую в древнегреческом

дискурсе войны, когда в результате её приобреталась собственность. Отсюда возникает сомнение в необходимости подчинения человеку, оказывающему давление с помощью физической силы. Кажется, что на данном примере мы видим некоторое сомнение по поводу оправданности подчинения.

Подобная проблема является не только частной, но имеет и государственное значение. Аристотель предупреждает, что «если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю» [1, с. 384]. По мнению Аристотеля, перевороты и возмущения могут быть проявлены в разных формах политического устройства, вызывающих презрение к строю со стороны определённых социальных групп и классов.

Вероятность низложения правителя в случае презрительного отношения к нему отмечается и Н. Макиавелли (1469–1527), предупреждавшего государя о необходимости поддержания дружбы с народом, «иначе в трудное время он будет свергнут» [4, с. 34]. Необходимо отметить, что Н. Макиавелли вряд ли имел в виду свержение власти «снизу». Возможно, более «оптимальным» вариантом нужно считать низложение правителя посредством заговора против него со стороны влиятельных инстанций власти (магистрат). С точки зрения итальянского философа, «государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа» [4, с. 57].

Безусловно, дистанцирование от осмысления этической стороны покушения на власть не могло быть нормой дискурса политической философии. В частности, рассуждения о справедливости претензий на смену власти «снизу» можно встретить у голландского мыслителя Гуго Гроция де Гроота (1583–1645). Мыслитель задаётся вопросом справедливости права «частным или должностным лицам восставать против тех органов верховной и подчинённой власти, которым они сами подчинены?» [2, с. 158]. Интересно, что Гуго Гроций прекрасно осознавал, как культурные различия подвергают коррекции само право на бунт. Это хорошо заметно в его мысли о том, что «государство может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка» [2, с. 159]. Несмотря на то, что Гуго Гроций отмечается выгодным для дискурса власти сравнением терпения народа с терпением Христа, показательна его оговорка: «если государи состоят в подчинении у народа, – либо с самого начала получившие власть от него, либо ставшие к нему в подчинение впоследствии... в случае нарушения ими закона... им не только возможно противиться силой, но при необходимости наказывать и смертью» [2, с. 171].

Идея о сопротивлении власти, а также и о праве на сопротивление постепенно становится частью политико-философского дискурса. Диалектический характер власти и сопротивления присутствует и в рассуждениях о государстве Жана Бодена (1529–1596), отмечавшего, что дух решительных людей становится тем упорнее, чем больше с ним борются, а не встречая сопротивления, уступает. Ж. Боден, кстати, равно как и Н. Макиавелли, предупреждал правителей об опасности использования силы против своих подданных.

Диалектическое противостояние власти и сопротивления спустя 4 столетия будет рассматриваться и М. Фуко, видевшим в сопротивлении такую же данность, равно как и в самой власти. По мнению М. Фуко «никакая власть не способна сделать его (прим. А.С. – сопротивление) полностью невозможным» [9, с. 16].

Политический процесс можно представлять как поиск оптимального баланса между властью и сопротивлением. По мере усиления давления на общественное тело власть получает новые объёмы сопротивления. Сопротивление, нарастающее в результате давления на общественное тело, вытесняясь из публичного пространства, находит себя в различных формах, принадлежащих непубличному, неофициальному. На уровне деклараций власть может рапортовать об успехах собственной борьбы с оппозицией, но на самом деле происходит активизация «партизанского» сопротивления, относящегося к потаённому. В частности, вытеснение бунта из официального пространства, уже рассматривавшегося нами как способность говорить, может объективировать протестное политическое письмо. Это является вполне логичным следствием ограничений творчества субъекта, что вызывает «политическое творчество несистемных групп, связанных с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории» [6, с. 109].

В условиях ужесточения репрессий появляется всё больше поверхностей, захватывающихся протестным политическим письмом. Скажем, излишняя жестокость оккупационного режима, приводящего в

страх местных жителей, вполне логично вызывает к жизни практики периодического сопротивления ей – сопротивления партизанского, носящего, по словам немецкого политического философа К. Шмитта, «иррегулярный характер» [10, с. 11].

Именно издержка неоправданного давления на общественное тело как раз и лежит в основе технологии политического джиу-джитсу, когда безудержная, нарастающая энергия власти при умелой блокировке используется против неё самой. И, наоборот, неуёмная энергия масс, проявляющаяся в различные периоды исторического и политического процесса, может быть переведена властью в дискурс общественно полезных дел.

Ещё острее тема общественной свободы, выражающейся в праве на бунт, стала проявляться в период Просвещения, наделявшего индивида высокими кондициями в способности определения собственного места и роли в политической картине мира. «Человек рождён свободным, а между тем повсюду он в оковах» [8, с. 224], – недоумевает Ж.Ж. Руссо в «Общественном договоре».

Данная фигура Ж.Ж. Руссо определённо предполагает некое оправдание попытки преодолеть трагическую, молчаливую участь человека, волею обстоятельств оказавшегося несвободным. Далее в рассуждениях французского мыслителя в одном из текстов рассматривается вероятность того, что народ «может стряхнуть с себя иго...<...>...он возвращает себе свободу в силу того же права, в силу которого она была у него похищена» [8, с. 224]. Фигура Ж.Ж. Руссо очень похожа на пример, который будет использовать Джордж Оруэлл в политическом эссе «Подавление литературы», когда будет говорить об особенностях терпения русского народа, сравнивая его с терпением лошади, облеплённой мухами. Даже если предположить, что Д. Оруэлл не был знаком с текстом Ж.Ж. Руссо, то всё равно в контексте нашего исследования выглядит достаточно показательно периодическое единодушие, с которым представители круга европейских интеллектуалов в различные исторические периоды могли воспринимать восточную версию репрессии как таковой, её давление на общественное тело в России.

Нередко власть склонна самостоятельно отмечать высокие протестные кондиции общества. В случае, если таковые присутствуют, власть наделяет общество определёнными шансами *status quo*. Подобным правом наделяются определённые группы, действующие от имени общества, – политические партии, общественно-политические организации, лоббистские структуры и другие группы давления, использующие право ведения диалога с властью от имени широких общественных слоёв.

Протестный опыт заставит правящие элиты быть более рефлекторными в период формирования общественного ресентимента, в момент появления ростков недовольства и озлобления действиями власти. Власть становится всё более гибкой и эластичной, приобретая навык предвосхищения общественного недовольства. Появление в конституциях государств положений и норм, предусматривающих возможность реализации данного права, а также законодательное оформление выражения несогласия и её чёткая регламентация во многом свидетельствует о том, что политическая практика сопротивления имела довольно значительные масштабы.

Импичмент, вотум недоверия правительству, право на референдум, право на оппозицию – все эти меры и формы лишний раз подтверждают существование в европейской (западной) практике политико-правового института сопротивления, подвергающегося постоянному мониторингу и концептуализации.

На наш взгляд, следует признать, что возможность использования права на бунт нарастает по горизонтальной оси – с Востока на Запад, и по вертикальной – с Юга на Север. Довольно серьёзным подтверждением справедливости подобного определения нарастания демократии может служить американский опыт. Как иронично высказжется по этому поводу Ц. Тодоров, «в одной из британской колонии группа людей сделает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит своё право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика» [7, с. 34]. Возможно, ответы на данный феномен скрываются в волнах демократизации, постепенно продвигающейся по оси с Запада – на Восток. Демократические принципы постепенно заимствуют системы, не слишком уделявшие внимание проблемам прав и свобод человека. Вместе с данным заимствованием, безусловно, происходит рецепция права на протест, право на демонстрацию собственного мнения и позиции.

Право на сопротивление приобретается, оно ещё и даруется по умолчанию. В этом может состоять политика компромис-

сов, торгов, попыток поиска оптимального соотношения между практиками власти и шансами оппозиции. На наш взгляд, достаточно показательна в этом смысле фраза из текста письма Т. Джефферсона – Дж. Мэдисону (1787). Т. Джефферсон признаётся, что «небольшие мятежи, случающиеся время от времени, – вещь хорошая, они столь же необходимы в политическом мире, как бури в мире физическом. Безуспешные мятежи, конечно, обычно провоцируют покушения (со стороны власти) на права мятежного народа. Понимание истинной пользы восстаний должно побуждать честных правителей республики быть настолько умеренными в наказаниях за мятежи, чтобы чрезмерно не обескуражить их будущих участников. Восстания, как лекарства, необходимы для того, чтобы правительства были здоровыми и разумными» [3].

Фраза из письма Т. Джефферсона, безусловно, говорит об умонастроениях просвещённых американцев – моралистов, большое значение придававшим идеям свободы, этического выбора человека, вынужденного быть «схваченным» государственной и политической машиной. В таком случае, человек мог выбирать либо подчинение, либо бунт, за которым следовало приведение непопулярной власти в чувство.

Симптоматично, что тезис Т. Джефферсона рефлексирует с одним из положений «Декларации независимости», предполагающим, что народ имеет право свержения непопулярной, деспотической власти, приносящей ему страдания, насилие, склонной к злоупотреблению правом – «народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечить людям безопасность и счастье» [3].

Как мы видим, тем самым в американском правовом дискурсе, важной основой которого как раз и является «Декларация независимости», был установлен некий «коридор» для протеста, для выплеска протестной энергии. Можно представить, как это воспитывает субъекта в интересующем нас контексте, как придаёт ему ощущение силы и правоты в контроле над политическими институтами.

Необходимость признания любого представителя власти равным себе – важнейшая преамбула всей гражданской истории конкретного субъекта. Данные тексты фактически признают за человеком право на сопротивление, которым он мог с той или иной эффективностью пользоваться, творя как национальную, так и мировую историю. В принципе исторический процесс как раз и можно рассмотреть как постоянную борьбу между властью и оппозицией, периодически сотрясаемую войнами и конфликтами. Ч. Тилли отмечает, что «история государств Запада с 1800 года является историей насилия. В данный период отмечалось достаточно переворотов и гражданских войн полный, а также других, не менее серьёзных конфликтов, пусть даже и меньшего масштаба» [11, с. 4].

Безусловно, артикулированная субъектность в человеке есть не что иное, как выражение своих прав, зафиксированных в определённых контрактах с государством. Как мы видим, в большей степени необходимость подобного выражения ради удовлетворения исключительно личных экспектаций или поиска справедливости в большей степени характерна для западных обществ, значительно опережавших восточные общества в гражданском вызревании. Нарастание демократии на Западе означает постепенно увеличивающийся отрыв от восточных систем в чувствительном и бережливом отношении к человеку, традиционно испытывающему проблемы с гражданской просвещённостью общества.

В этом смысле периодические вызовы со стороны политической реальности лишний раз напоминают правящим элитам о том, какой вектор развития выбран ими в качестве оптимального. Действительно, насколько необходимость постоянной актуализации в человеке его гражданских кондиций кажется оптимальной в условиях эпохи постмодернити, где высокая скорость политических процессов, появление симулякров – неудачных, «мёртвых» копий при утраченных оригиналах вещей и явлений, отсутствие адекватных героических и символических иконостасов могут сыграть злую шутку с сознанием человека, расщепив его окончательно.

Должно ли государство быть охранителем свободы, ставя в фокус собственных интересов ценности отдельно взятого человека как некий стандарт? Либо, наоборот, государство должно ставить во главу угла исключительно интересы системы, государственной машины? Данные вопросы являются дискуссионными вплоть до настоящего времени, поляризуя политико-философский дискурс на сторонников открытых и закрытых систем. Что касается нашей точки зрения, то, очевидно, что в

условиях закрытых систем общество лишается перспективы активного развития, что летаргическое единообразие и монотонность вредны для общественного прогресса, неплохим катализатором которого может явиться некий кризис, мобилизация, постоянная актуализация гражданских прав и свобод индивида. Другое дело, когда ценности свободы могут быть реанимированы в момент, когда человек столкнётся с откровенным произволом, вызывающим в нём истерический культурный шок.

Либо наоборот. Государство может испугать людей экспериментом «дарования» свободы. Тогда такая свобода тяжким бременем повиснет на индивиде. Вспомним, как у В. Высоцкого: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?». Смогли ли распорядиться свободой землепользования крестьяне из романа «Воскресенье», когда Д. Нехлюдов – прототип Л. Толстого – оставляет им в пользование землю?

Вообще, право на выражение протеста совершенствуется, приобретая новые возможности и шансы в демократизирующихся политических системах. Опыт каждого отдельного государства в данном контексте представляется уникальным, отображая прежде всего готовность самой правящей элиты поделиться властью с оппозицией, сумевшей мобилизовать протестные настроения. Либо опыт отдельно взятых политических систем, в первую очередь, учитывает кондиции гражданского общества, постоянно ставящего перед правящей элитой трудновыполнимые задачи.

Не каждое государство готово предоставить обществу правовой коридор для реализации протеста. Не все политические системы могут воспроизводиться с помощью реальных, демократических процедур. В современном политическом пространстве есть примеры управления посредством репрессии, блокировки инициатив гражданского общества и подмены их симулякрами, порождаемыми «сверху» и выдаваемыми за политическое участие «снизу». Такие политические системы сложно определять как демократические. Как правило, ограничения в данных системах объясняются изначально высокими патернальными ориентациями общества, подданической политической культурой, не располагающей к выпестовыванию внутри системы сильных и ярких партиципантов. В правовом дискурсе целого ряда государств вплоть до настоящего времени существуют установления, охраняющие верховную власть от любых попыток сомнений в её справедливости. Эта консервативность не может быть преодолена, и мало только одного стремления к демократизации лишь определённой группы людей, как мы видим на примере современного Узбекистана [5].

Но протест проникает сквозь толщу времени и репрессии, свидетельствуя о неизбежности сопротивления. Наиболее подверженными ему являются системы, находящиеся в транзитивном состоянии, демократический процесс в которых начинает приобретать авторитарный дрейф.

В ряде государств, находящихся в состоянии постсоветского транзита, законодательство в интересах власти ограничивает право общества выражать протест. Примером может послужить законодательство РФ, «сыгравшее» в сторону ограничения права на протест после протестных акций 2011–2012 года. Власть прекрасно понимает, что скорректированное законодательство сужает перспективы протеста. Что-то подобное уже можно увидеть и на примере Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и других государств.

В январе 2014 года В. Янукович пытался «продавить» через Верховную Раду Украины ряд законов, увеличивающих ответственность за блокировку городских присутственных зданий, за неповиновение сотрудникам полиции и т.д. Эти законы получили название законов «16 января». Но поспешное законотворчество, нашедшее отражение в целом пакете законов, принимавшихся в Верховной Раде простым поднятием рук, вызвало негодование общества, ещё в большей степени катализировавшее внутриполитический кризис.

Данные примеры показывают, что власть в любом случае не может быть полностью согласна с тем, что у общества существует право на выражение несогласия, которое в креативном, информационном мире каждый день находит всё новые и новые трещины в самой системе и делегитимирует правящий режим. В этой связи логичным решением правящего режима может быть сужение пространства протестной активности и, наоборот, чем слабее политический режим, тем сильнее возможности улицы вмешиваться в его дальнейшую судьбу.

Представленная нами политико-философская ретроспектива развития представлений о праве человека на сопротивление и бунт показывает, что политический процесс, рассматривающийся как постоянное взаимодействие политических акторов по поводу власти, просто обязан пониматься

ещё и в контексте постоянного совершенствования законодательства, оптимизации «правил игры», создающих правовые основания для протестной активности.

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. (пер. С.А. Жебелева) [Текст]. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Гроций, Г. О праве войны и мира (пер. с лат. А.Л. Сакетти) [Текст]. / Г. Гроций. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
3. Жидков, О.А. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / О.А. Жидков, В.И. Лафитский. М.: Прогресс, Универс, 1993. 769 с.
4. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия [Текст]. / Н. Макиавелли. М.: Транзиткнига, 2006. 461 с.
5. Скиперских, А.В. Интеллектуалы в процессе становления демократических институтов в постсоветском Узбекистане [Текст] / А.В. Скиперских // Социум и власть. 2011. № 1. С. 51–57.
6. Скиперских, А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России [Текст] / А.В. Скиперских // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 108–113.
7. Тодоров, Ц. Дух Просвещения [Текст] / Ц. Тодоров. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 120 с.
8. Философия. Хрестоматия (Сост. проф. П.С. Гуревич) [Текст] / П.С. Гуревич. М.: Гардарики, 2002. 453 с.
9. Фуко, М. Восставать бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) [Текст] / М. Фуко // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 16–20.
10. Шмитт, К. Теория партизана (пер. с нем. Ю.Ю. Коринца) [Текст]. / К. Шмитт. М.: Праксис, 2007. 301 с.
11. Tilly, C. Collective Violence in European Perspective. / C. Tilly. University of Michigan, 1978. 70 p.

References

1. Aristotel. (1983) Sochinenija v 4 t. (per. S.A. Zhebeleva). T. 4. Moscow, Mysl', 830 p. [in Rus].
2. Grocij, G. (1994) O prave vojny i mira. Moscow, Ladomir, 868 p. [in Rus].
3. Zhidkov, O.A., Lafitskij, V.I. (1993) Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitucija i zakonodatel'stvo. Moscow, Progress, Univers, 769 p. [in Rus].
4. Makiavelli N. (2006) Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija. Moscow, Tranzitkniga, 461 p. [in Rus].
5. Skiperskih, A.V. (2011) Socium i vlast', № 1, pp. 51–57 [in Rus].
6. Skiperskih, A.V. (2014) Politicheskaja lingvistika, № 1, pp. 108–113 [in Rus].
7. Todorov, C. (2010) Duh Prosveshhenija. Moscow, Moskovskaja shkola politicheskih issledovanij, 120 p. [in Rus].
8. Filosofija (2002) Hrestomatija / Sost. Prof. P.S. Gurevich. Moscow, Gardariki, 453 p. [in Rus].
9. Fuko, M. (2011) Neprikosnovennyj zapas, № 5 (79), pp. 16–20. [in Rus].
10. Shmitt, K. (2007) Teorija partizana (per. s nem. Ju.Ju. Korinca). Moscow, Praksis, 301 p. [in Rus].
11. Tilly, C. (1978) Collective Violence in European Perspective. University of Michigan, 70 p. [in Eng].

UDC 321.011

RIGHT TO OPPOSITION: POLITICAL AND PHILOSOPHICAL RETROSPECTIVE

Skiperskih Aleksander Vladimirovich,
National Research University Higher School of Economics,
Professor of the Chair of the Humanities,
Doctor of Political Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Annotation
The article tells how the right to opposition is differently manifested in different cultural contexts and how this right was documented by political and philosophical thought. The history of political relations shows that opposition can be objectified in various forms. One of such forms is a revolt in particular. The analysis of philosophical views of some authors and reference to the political memoiristics help us to see special attitude to the right to a revolt which exists in different cultural and legal traditions. Differences in cultures affect both the perception of a rebel and on the justice of his claim to satisfying his expectations. The right to opposition in some cultures is an enduring value which directly affects political practice. In other political and legal systems the right to opposition is not an eternal value which affects the trajectory of development of political processes.

Key concepts:
revolt,
power,
law,
political process,
opposition.